

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

**ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ**

Сборник статей по материалам
Международной научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского
(17–19 апреля 2009 г.)

Пермь 2009

УДК 82:7:008

ББК 83.3(0):71:85

П 43

Пограничные процессы в литературе и культуре:

П 43 сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения Василия Каменского (17–19 апр. 2009 г.) / общ. ред. Н.С.Бочкарева, И.А.Пикулева; Перм.ун-т. – Пермь, 2009. – 364 с. – (Мировая литература в контексте культуры)

ISBN 978-5-7944-1354-0

Сборник научных трудов объединяет проблема пограничья в литературе и культуре. В четырех разделах представлены разные аспекты поставленной проблемы и широчайший диапазон возможных подходов к ее решению на разнонациональном, разножанровом и разнотипном материале. Основная цель издания – комплексное осмысление переломных ситуаций в литературном процессе и путей преодоления границ между национальными культурами, видами искусства, жанрами и т.д. В сборнике принимают участие 150 известных и молодых ученых из 36 городов Российской Федерации, а также из стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Книга адресована филологам, культурологам, искусствоведам и всем гуманитариям. Она посвящается памяти пермяка Василия Каменского, чья многогранная творческая личность отразилась в тематическом разнообразии Международной научно-практической конференции «Пограничные процессы в литературе и культуре», состоявшейся 16-19 апреля 2009 г. и посвященной 125-летию поэта. Сборник статей по материалам конференции продолжает серию «Мировая литература в контексте культуры», выпускаемую кафедрой мировой литературы и культуры ПермГУ.

УДК 82:7:008

ББК 83.3(0):71:85

Печатается по решению ученого совета факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного университета

Рецензенты: кафедра русской и зарубежной литературы Пермского государственного педагогического университета; д.филол.н., профессор кафедры зарубежной литературы Московского педагогического государственного университета *Н.И.Соколова*

ISBN 978-5-7944-1354-0

© ГОУ ВПО «Пермский государственный университет», 2009

С.Ю.Королёва (Пермь)

«СИБИРСКИЙ МИФ»

**В РОМАНЕ В.ШИШКОВА «УГРЮМ-РЕКА»:
НА СТЫКЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ**

Обращение к роману В.Шишкова «Угрюм-река» (1918–1932) может показаться несколько несвоевременным: перед нами произведение писателя т.н. «второго ряда», посвященное краху крупного сибирского капиталиста-заводчика накануне революции. На первый взгляд, предмет изображения, потерял актуальность и представляет интерес лишь для историков литературы. Однако в последнее десятилетие в отечественном литературоведении происходит осторожное и вдумчивое «переоткрытие» литературы советского периода (1920–80-е гг.). Многие произведения оказываются вписанными в качественно иную картину литературного процесса, что позволяет обнаружить новые, зачастую неожиданные литературные связи; при этом сами тексты воспринимаются уже в ином, более широком культурном контексте.

Сказанное касается и произведений Вячеслава Яковлевича Шишкова. На протяжении многих лет его творчество находится в центре внимания литературоведов Алтайского края, Томска и Твери. В 1999 г. вышла первая постсоветская монография, посвященная В. Шишкову [Редькин 1999], а в 2008 г. на малой родине писателя, в г.Бежецке, прошли уже VII «Шишковские чтения». В работах последних лет наметились интересные, на наш взгляд, тенденции: творчество В.Шишкова рассматривается в связи с поэтикой классического реализма, романтизма, модернизма и соцреализма. Поставлен вопрос о его отношении к христианской традиции (как известно, писатель испытал глубокое влияние Иоанна Кронштадтского и на протяжении всей жизни оставался верующим человеком [Николаева 2008]). Отмечается невероятная «этнографическая чуткость» автора в изображении различных национальных культур (русской, эвенкийской и др.).

Наша статья посвящена мифологическим образам, сюжетам и мотивам в романе «Угрюм-река». Не претендуя на исчерпывающее описание, мы хотим охарактеризовать основные особенности его мифопоэтической системы, а также наметить некоторые параллели с «деревенской прозой» 1960–70-х гг. (В.Астафьев, В.Распутин, В.Личутин и др.).

Роман В.Шишкова, как нам показалось, может быть назван в числе произведений, близко предшествующих «деревенской прозе». Ранее эта связь если и отмечалась исследователями, то в основном на уровне региональной приуроченности (жизнь русских в Сибири). Нам представляется, однако, что с «деревенской прозой» В.Шишкова сближает как *метод изображения* (привлечение мифологической фантастики в реалистическое повествование), так и *тип художественного мифологизма* (основанный на аутентичных фольклорных образах и мотивах). Внутренние связи оказываются еще глубже, если учесть интерес В. Шишкова к *типу героя-*

праведника – интерес, почти исключительный для литературы 1930-х гг. и принципиально важный для «деревенской прозы» 1970-х (В.Распутин, Ф.Абрамов и др.).

В выбранном нами аспекте наиболее интересен первый том романа, посвященный путешествию молодого купца Прохора Громова по таежной реке и его отношениям с «роковой красавицей» Анфисой. В изображении нравственно-психологической коллизии ощутима традиция Ф. Достоевского; хорошо угадывается и конкретный «литературный праисточник» – роман «Братья Карамазовы». Второй том, действие которого разворачивается накануне революции, кажется нам художественно более слабым и гораздо менее интересным с точки зрения мифопоэтики.

Проклятый клад и мертвая шаманка. Фольклорные мотивы. Говоря о генезисе центральных мифологических образов и сюжетов, необходимо отметить их принадлежность к *двум этническим культурам – эвенкийской* (образ тунгусской шаманки) и *русской* (народно-православные мотивы, многие из которых связаны с образами персонажей-праведников).

Большинство мифологических мотивов сконцентрировано вокруг образа главного героя – Прохора Громова. Эволюция его характера обусловлена в романе различными факторами.

1) Социальный: герой принадлежит к «классу эксплуататоров» – купцов (влияние соцреалистической парадигмы).

2) Психологический: предпосылки трагического финала заложены в самом характере. Индивидуализм, сила, практичность, большие амбиции заставляют бросить вызов «предельным» силам, что сближает героя с типом «сверхчеловека» (влияние поэтики модернизма (Л.Андреев) и романтизма (ранний М. Горький и др.)).

3) Генетический, *отчасти мифологизированный*: над героем довлеет «сила рода». Дед Прохора был разбойником и убийцей, и писатель не раз подчеркивает, что внешностью и «натурой» герой пошел в него. Во 2-ом томе эта мысль выражена прямо и звучит как авторский приговор: «Иначе и быть не могло. Потому что нашего Прохора родил Петр Данилыч, развратник и пьяница. Петра же Данилыча родил дед Данило, разбойник. Яблоко, сук и яблоня – все от единого корня, из одной земли...» [Шишков 1979: 534] (здесь и далее текст романа цитируется по этому изданию с указанием страниц).

Отметим, что идея рода, родовой памяти – как в губительном, так и в благотворном ее воздействии – позднее актуализируется в «деревенской прозе». Она ощутима в тетралогии «Братья и сестры» Ф.Абрамова, в некоторых повестях В.Астафьева и В.Распутина. Силой, во многом определяющей логику развития характеров, «родовая память» становится в «вазицком цикле» В.Личутина, внутренний сюжет которого строится на «роковых пересечениях» двух старинных поморских родов.

4) *Собственно мифологический* фактор: влияние «проклятого клада». Дед-разбойник открывает местонахождение своего клада сыну, взяв с него обе-

пание, что на эти деньги будет построена церковь. Сын нарушает обещание, данное умирающему, и магическая сила клада обращается против него и Прохора (мотив «губительного золота»). Таким образом, страшный финал молодого героя: убийство любимой женщины, отказ от отца, массовый расстрел рабочих, медленное сумасшествие и самоубийство – оказывается как бы предерженным (влияние фольклорно-мифологической системы).

В художественном мире романа важную роль играет также *сюжет встречи с мертвой шаманкой*, которая является мужчинам и губит их. Впервые герой узнает о ней от проводника Фаркова. Ситуация и стиль рассказа соответствуют бытованию фольклорной несказочной прозы: Прохор слышит «страшную историю», рассказанную «к слову», т.к. скоро им предстоит проплыть мимо могилы шаманки: «Значит, стояло зимовье... И жил там старик Антип, а невдалеке от зимовья похоронена тунгуска... Вот она вставала по ночам из своей могилы и пошалавала по тайге, очень всех пугала... (с.36).

Однако далее из *фольклорно-этнографической плоскости сюжета о шаманке переходит в плоскость романтическую* и получает своеобразную авторскую интерпретацию: мифологическая героиня, обычно несущая смерть, влюбляется в отважного юношу, спасает ему жизнь и пытается предостеречь от неверных решений. В сцене, когда шаманка впервые приходит к герою, использован возвышенно-поэтический стиль описания, нехарактерный для фольклора: «Брось меня в костер твоего сердца, утопи меня в горячей своей крови, тогда я оживу...» (с.58–59). Позднее возникает романтический мотив *двойничества*: в «мифологическом измерении» романа шаманка Синильга оказывается своеобразным двойником Анфисы, встреча с которой также становится для героя роковой. Когда Прохор принимает решение жениться на богатой невесте, Анфиса приходит к нему в костюме шаманки; в то же вечер невесте видится Синильга и предупреждает, что свадьба не принесет счастья. Накануне преступления голос шаманки тщетно пытается удержать Прохора от убийства возлюбленной.

Характеризуя мифопоэтику «Угрюм-реки», важно отметить, что в художественном мире романа образ шаманки предстает как реально существующий. Так, сюжет путешествия героя по таежной реке заканчивается его *чудесным спасением*: кто-то останавливает нож слуги-черкеса, который в отчаянии хочет убить юношу и себя, чтобы избежать голодной смерти. Автор не только не дает никакого рационального объяснения этому происшествию, но и усиливает мифологическую интерпретацию спасения героя. Мать Прохора, желая узнать о судьбе сына, обращается к тунгусскому шаману Гирманче (описание их разговора и камлания, обладающее высокой этнографической точностью и художественной достоверностью, относится, как нам кажется, к числу наиболее удачных сцен в романе). Во время обряда шаман «встречает» мертвую Синильгу и пытается вернуть ее в гроб, а позднее сообщает матери, что ее сын жив, т.к. его спасла шаманка. Тунгус ошибается, предсказывая судьбу черкеса, однако эта

деталь (вызванная, по-видимому, уступкой литературным требованиям времени) не в силах принципиально изменить соотношение реалистического и мифологического в сюжете «таежного путешествия».

Гордыня и смирение. Христианские мотивы в романе. С образом главной героини Анфисы также связан ряд мифологических мотивов, хотя и не столь явных. Героиня часто называет себя *ведьмой*, что служит, скорее, выражением ее внутреннего душевного хаоса и «роковой» красоты, губительной – помимо воли – для окружающих (ср. отношения Анфисы с Прохором, его отцом, ссыльнопоселенцем Шапошниковым, в комически сниженном варианте – с Ильей Сохатых и др.). Перед гибелью героине сняты сны, предсказывающие смерть. Во 2-ом томе выясняется, что Анфиса – ребенок старца Назария и староверки Агнии, спасавшейся в скиту, т.е. «плод греха». Так постфактум губительная красота героини получает дополнительное, собственно религиозно-мифологическое объяснение.

Как нам кажется, в нравственно-психологической коллизии романа и ее решении проявляется *столкновение логики двух различных художественных систем*: классической XIX в. и советской 1920–30-х гг. В конце жизни герой понимает, что финал его не был бы столь плачевен, если бы он остался верен любви и женился на «роковой» Анфисе (ср. отношения Грушеньки и Мити Карамазова у Достоевского). Союз двух непростых характеров, прошедших через страдания и взаимные мучения, постепенно мог прийти от разрушительной страсти к сострадательной любви, пусть и далекой от идиллии, но все же более гармоничной и очистительной (влияние христианских идей). В то же время, исходя из логики соцреализма, у героя-индивидуалиста, купца и заводчика, в принципе не может быть иного финала, кроме полного нравственного краха. Таким образом, *шанс, который оставляет герою классическая система* (1-ый том), *заведомо не может быть использован, исходя из логики соцреализма* (2-ой том). Все это обуславливает внутреннюю противоречивость романа, художественную неравноценность его частей (2-ой том кажется сконструированной более рассудочно, что проявляется также в судьбах Нины, Протасова и других персонажей).

Ряд образов и мотивов романа восходит к христианским религиозно-мифологическим представлениям. Так, жена героя Нина – «богоданный ребенок» (что, однако, никак проявляется в ее судьбе). Опираясь на реалии не только церковно-канонической, но и престолярной православной культуры, В. Шишков создает в «Угрюм-реке» целый ряд персонажей, относящихся к типу *героя-праведника*. В начале путешествия Прохор встречает слепорожденного Павла, который предсказывает исход его предприятия: «Начало хорошее, середка кипучая, а кончик – о-ё-ёй!» (с. 23) – неверное по отношению к таежному путешествию, это предсказание касается жизненного пути героя в целом. В образе слепца Павла есть, однако, момент комического снижения: после ярмарки Прохор находит его

мертвецки пьяным, с толстым поповским котом, спящим на груди.

Особенно интересными представляются нам образы *местнопочитаемых старцев* в романе. Так, в пути герой встречает двух «почтенных стариков» братьев Сунгаловых. Старший, столетний казак Микита, поддерживает решимость Прохора продолжать поход, а затем дает ему деньги на поминки: «В Покров умру... Матьер моя приходила за мной: “В покров, говорит, я тебя, сынок, покрою, приготовься”» (с. 66). Отметим, что знание о предстоящей смерти – одна из типичных черт героя-праведника (она встречается, к примеру, в рассказе «Живые мощи» И. Тургенева, в повестях В. Личутина, в «Последнем сроке», «Прощании с Матерой», «Избе» В. Распутина). Сны, в которых кто-то из умерших родственников предупреждает о скорой смерти, традиционны также для народной культуры. В романе В. Шишкова накануне жизненного перелома Прохор оказывается на могиле праведника Микиты, где чувствует «щемящую тревогу, большой вопрос самому себе» (с. 182).

Одно из центральных мест в романе принадлежит образам двух старцев из Медвежьей пади. Почти этнографическая точность в изображении их жилища, а также ряд оригинальных деталей в описании внешности и быта позволяют предположить, что у образов Назария и Анания могли быть реальные прототипы (старика держат в избушке множество кошек; один из них – «рослый, под потолок, чернобородый старец» и т.д.). В первой части романа старцы отказываются отвечать на вопрос Петра Громова о сыне, посланном им на верную смерть. Много позднее у них спасается сам Прохор, сбегавший со своего завода после расстрела рабочих.

Пребывание Прохора у праведных старцев-отшельников представляется нам одной из наиболее интересных сюжетных ситуаций романа. В. Шишков изображает попытку нравственного возрождения героя, обреченную на неудачу из-за непомерной гордыни Прохора. Отметим, что в данном случае невозможность духовного исцеления объясняется писателем именно с *религиозных православных* позиций и демонстрирует глубокое понимание внутренних психологических процессов, происходящих в душе героя-индивидуалиста. Непроницаемый для христианских ценностей, Прохор не способен к переменам (как ранее его отец), поэтому пребывание у праведных старцев кажется ему пустой тратой времени и переходит в своеобразный психологический поединок с ними. Герой не верит в ценность смиренно прожитой жизни; обладая волевым характером, он не находит в себе сил держать пост и какое-то время малодушно врет старцам. Наконец Прохор откровенно провоцирует их – и получает неожиданный отпор, обнаруживающий духовное превосходство «жалких стариков».

Образ праведника Назария возникает также в одной из последних глав романа. Схоронив товарища, он приходит в город, где в разговоре с инженером Протасовым неожиданно обнаруживает собственную гордыню – претензию на святость. Поведение старца сводит на нет его подвижничество, обнару-

живает иллюзорность и тупиковость духовного пути, связанного со смирением и аскезой. Однако подобная эволюция образа выглядит искусственной, поскольку никак не подготовлена предшествующими сценами романа; на наш взгляд, она во многом определяется цензурными соображениями – требованиями советской прозы 1930-х гг. Несмотря на это, невозможно не заметить глубокий интерес и уважение В. Шишкова к реалиям народной религиозной культуры; образы героев-праведников написаны им талантливо и с очевидной симпатией, которую не отменяют элементы комического снижения.

Как уже говорилось, 2-ой том «Угрюм-реки» представляется нам художественно более слабым. Это касается и мифопоэтики романа: фантастические образы и мотивы характеризуют здесь болезненное состояние героя, становятся частью его галлюцинаций, переходя тем самым в *отвлеченно-рациональную* плоскость. Утяжеляет восприятие текста и эклектичное, зачастую избыточное сочетание мотивов из разных мифологических систем (на грани сумасшествия герою видится черт, черный человек, буддийский лама-бодхисаттва и пр.).

Несмотря на это, роман «Угрюм-река» имеет серьезное историко-литературное значение. Это одно из тех произведений, где закладывается мифопоэтическая основа «сибирского текста» (которая получит дальнейшее развитие в «деревенской прозе» 1960–70-х гг.). Несколько позднее в сказах П.Бажова актуализируется уральская мифология, а в прозе Б.Шергина – поморская. Таким образом, в советской литературе В.Шишков стоит у истоков важной литературной тенденции – создания мифопоэтической системы, воплощающей самосознание региональной культуры.

Список литературы

Николаева С. Возродить интерес к наследию автора «Угрюм-реки» // Тверские ведомости. 2008. 10 октября.

Редькин В.А. Вячеслав Шишков: новый взгляд. Тверь, 1999.

Шишков В.Я. Угрюм-река: Роман. Пермь, 1979.

Е.С.Седова (Челябинск)

«ПРИВИДЕНИЯ» Г.ИБСЕНА И «СВЯЩЕННОЕ ПЛАМЯ» С.МОЭМА: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ

Проблема типологических связей в творчестве двух драматургов – норвежца Ибсена и англичанина С.Моэма – проявляется на разных уровнях: жанра, тематики и проблематики, характерологии, стиля. Писателей роднит обращение к актуальным проблемам социального, морально-этического, психологического и философского толка. Судьба каждого героя вписывается художниками в общечеловеческий контекст. На типологическое сходство между Ибсеном и Моэмом указывают некоторые исследователи: Дж.С. Филден, А.А.Гозенпуд, Ю.И.Кагарлицкий, В.М.Паверман. Многие из них сходятся в суждении о том, что «ибсенизм» Моэма заключается в при-